

политика

Ю.Г.Коргунюк

ТЕМАТИКА СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00709 «Оценка наследия СССР в риторике основных политических акторов современной России».

Коргунюк Юрий Григорьевич — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН. Для связи с автором: partinform@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу места советского прошлого в межпартийной дискуссии и влияния данной тематики на выбор российского электората в избирательных кампаниях 1993—2021 гг. По заключению автора, несмотря на не слишком большое количество вопросов, относящихся к этой сфере, и довольно скромную их долю в общей повестке кампаний, они формировали противостояния, сильно коррелирующие с размежеваниями внутри ведущих политических измерений и предметных областей и вызывающие резонанс в массовом политическом сознании.

В 1993—2011 гг. речь шла об одном противостоянии — «коммунисты — антикоммунисты (либералы)». В 2016—2021 гг. к нему добавилось размежевание по линии «консерваторы — либералы», проявившееся в особой позиции Либерально-демократической партии России, которая по одним вопросам советского прошлого примыкала к либералам, по другим — к коммунистам.

В 1993 и 1995 гг. противостояние между коммунистами и антикоммунистами (либералами) по вопросам советского прошлого успешно конкурировало с политическими измерениями и предметными размежеваниями при определении политического лица первого (то есть главного) электорального размежевания. В 1999 г. это противостояние переместилось из первого электорального размежевания во второе, где продолжало с успехом соперничать с размежеванием между советскими традиционалистами и модернистами в системной области. В 2003 г. оно также выдерживало конкуренцию с размежеваниями между рыночниками и «плановиками» в социально-экономической сфере и советскими традиционалистами и модернистами в сфере системной, однако в 2007—2016 гг. утратило эту способность, хотя и сохранило фоновое присутствие в политическом пространстве.

В 2021 г. наблюдался своего рода ренессанс советского прошлого, к которому начали активно апеллировать не только коммунисты и либералы, но и другие политические силы, включая «партию власти». Усилилось и влияние связанных с ним противостояний на электоральные размежева-

ния, правда, лишь при исключении из анализа регионов с явкой более 60%. В этом случае противостояние между коммунистами и либералами по тематике советского прошлого определяло лицо второго электорального размежевания, а особая позиция ЛДПР — третьего.

Ключевые слова: советское прошлое, политические партии, выборы, постсоветская Россия, факторный анализ, корреляционный анализ, множественная регрессия

Наше прошлое всегда с нами — эта сентенция вполне применима и к политике, в том числе партийной. Неотъемлемым элементом партийных программ является презентация проектов развития страны, представляющих собою, как правило, не что иное, как проецированные в будущее взгляды на прошлое.

Наиболее актуальны в этом плане персонажи и события относительно недавнего прошлого, в максимальной степени раскалывающего текущее политическое пространство. В современной России это советский период.

В своих предыдущих работах автор уже касался тематики советского прошлого в межпартийной дискуссии по состоянию на осень 2020 г.² и в избирательной кампании 2021 г.³ Было отмечено, в частности, что на выборах 2021 г. эта тематика не только не утратила значимости при мотивации голосования за те или иные партии, но даже несколько возросла. Если раньше противостояния по этим сюжетам рождались в более широких размежеваниях, то теперь они составили им серьезную конкуренцию⁴.

Вполне естественно задаться вопросом, явилось ли такое возрастание роли советского прошлого продолжением предшествующих тенденций или, наоборот, их изменением. Для ответа на него необходимо выяснить, какую роль тематика советского прошлого играла в предыдущих избирательных кампаниях постсоветской России. Решению этой задачи и посвящена настоящая статья.

Методология исследования

Как и прежде, методология исследования базируется на инструментальной концепции размежеваний (cleavage theory⁵) и теории проблемных измерений (issue dimensions theory⁶), исходящих из того, что в основе политической борьбы лежат противостояния по вопросам (issues), которые в наибольшей степени поляризуют позиции участников межпартийной дискуссии.

Эти вопросы выявляются посредством мониторинга данной дискуссии, а затем измеряются количественно. Авторская методика измерения предполагает оценку партийных позиций по шкале от -5 до +5 (низшая оценка присваивается крайне негативному отношению, высшая — апологетическому; если партия придерживается «центристской»

² Коргунок 2021.

³ Коргунок 2022.

⁴ Там же: 123.

⁵ Lipset and Rokkan (eds.) 1967.

⁶ Budge, Robertson, and Hearl (eds.) 1987.

позиции или не имеет никакой, ставится ноль); полученные показатели подвергаются факторному анализу⁷.

Обнаруженные факторы рассматриваются либо как политические измерения (если берется вся совокупность вопросов), либо как противостояния по отдельным предметным областям — внутриполитической, социально-экономической, внешнеполитической, мировоззренческой. Вопросы советского прошлого относятся к мировоззренческой области.

Факторы могут выявляться двумя способами, согласно двум разновидностям факторного анализа: Q-техника (линейная комбинация групп объектов) и R-техника (линейная комбинация признаков). На первой технике строилась методика, примененная во второй половине 1980-х годов Иэном Баджем и его коллегами к анализу партийных программ и предвыборных платформ⁸, на второй — авторская методика. Обе эти техники были задействованы автором при исследовании роли тематики советского прошлого в кампании 2021 г.⁹

При Q-технике позиции партий (issue positions) выступают в роли переменных (variables), а участвующие в дискуссии партии — в роли случаев (cases). R-техника, наоборот, роль переменных отводит партиям, роль случаев — вопросам. В принципе методика, основанная на R-технике, дает более надежные результаты и предлагает более сложную картину политических измерений (dimensions). Но для ее использования необходимо, чтобы число вопросов, по которым ведется дискуссия, значительно превышало количество участников таковой. А с этим нередко возникают проблемы.

Например, в думской кампании 2021 г. к советскому прошлому имели отношение 16 из 185 вопросов межпартийной дискуссии, в выборах участвовали 14 партий. Для обеспечения нужного соотношения переменных и случаев приходилось прибегать к разного рода ухищрениям, в том числе исключать из анализа партии, не проявлявшие особого интереса к данной тематике. Но это, в свою очередь, сужало возможности для сравнения результатов с более широкими размежеваниями как в политическом, так и в электоральном пространстве.

Использование Q-техники позволяет преодолевать возникающие сложности не столь грубо. Если вопросов слишком много, их можно просто разбить на тематические группы, а полученные результаты подвергнуть вторичному факторному анализу — так поступили Бадж и его коллеги. У этого метода тоже есть изъяны; в частности, метод двойного факторного анализа тяготеет к сокращению числа выявленных измерений (issue dimensions)¹⁰, что в свое время заставило участников проекта «Манифесто» отказаться от факторного анализа, ограничившись определением места партий на шкале «левые—правые»¹¹.

Однако если вопросов немного, необходимость в двойном факторном анализе отпадает. Поскольку в подавляющем большинстве думских кампаний этих вопросов было действительно мало, не оставалось ничего иного, кроме как отдать предпочтение Q-технике.

⁷ Подробнее см. Коргунюк 2013, 2017, 2019а; Коргунюк 2014, 2020.

⁸ Budge, Robertson, and Hearl (eds.) 1987.

⁹ Коргунюк 2022.

¹⁰ Подробнее см. Там же.

¹¹ Budge and Notola 2012.

В соответствии с данной методикой в настоящем исследовании вопросы выступают в роли переменных, партии — в роли случаев. В дальнейшем факторные оценки (factor scores) партий посредством корреляционного анализа и множественной регрессии (метод наименьших квадратов — МНК, или OLS) сравниваются с их факторными нагрузками (factor loadings) в более широких размежеваниях в политическом и электоральном пространствах. Политические размежевания выявляются соответствующими расчетами по всему комплексу вопросов политической повестки, электоральные — факторным анализом долей голосов, полученных партиями в различных территориальных единицах (в нашем случае — в субъектах Федерации).

Результаты этого сравнения позволяют сделать ряд заключений о роли и месте тематики советского прошлого в межпартийной дискуссии и политическом выборе избирателей.

Выборы-1993

В избирательной кампании 1993 г. только два поляризирующих вопроса из 31 касались советского прошлого: отношение к этому прошлому в целом и к распаду СССР. Факторный анализ партийных позиций по данным вопросам ожидаемо дал только одно размежевание — по линии «коммунисты — провластные либералы»: «Выбор России» и Российское движение демократических реформ оппонировали КПрФ и Аграрной партии России, чьи факторные оценки были максимальными по модулю (см. *табл. 1*).

Это противостояние имело сильную корреляцию с такими противостояниями в предметных областях, как размежевание между коммунистами и лоялистами во внутренней политике; между сторонниками рынка и плана в социально-экономической сфере; между традиционалистами и модернистами, а также между демократами и консерваторами в сфере системной. Однако наиболее сильной оказалась корреляция со вторым политическим измерением, включавшим в себя элементы большинства указанных выше размежеваний с доминированием противостояния по линии «рынок — план» (см. *табл. 2*).

Примечательно, что в регрессионных моделях связей между территориальными различиями в голосовании за партии (электоральными размежеваниями) и противостояниями в политической сфере оппозиция коммунистов и провластных либералов по вопросам советского прошлого более надежно предсказывала поведение избирателей в первом электоральном размежевании, чем второе политическое измерение, дававшее интерпретацию этому размежеванию в случае исключения тематики советского прошлого из набора независимых переменных (см. *табл. 3*). Известную роль данная оппозиция сыграла и при определении политической окраски третьего электорального размежевания — между «Выбором России» и Партией российского единства и согласия, с одной стороны, и ЛДПР и Демократической партией России, с дру-

Таблица 1 Противостояние участников выборов-1993 по вопросам советского прошлого

	<i>Отношение к советскому прошлому</i>	<i>Отношение к распаду СССР</i>	<i>Факторные оценки</i>
«Выбор России»	-5	3	-1,622
Российское движение демократических реформ	-5	3	-1,622
«Женщины России»	-2	0	-0,348
«Яблоко»	-5	-3	-0,212
Конструктивно-экологическое движение России	-1	0	-0,158
«Будущее России — Новые имена»	-2	-1	-0,113
Демократическая партия России	-4	-3	-0,022
«Достоинство и милосердие»	0	0	0,032
«Гражданский союз»	-1	-1	0,077
Партия российского единства и согласия	-2	-2	0,122
ЛДПР	-3	-4	0,402
Аграрная партия России	3	-3	1,306
КПРФ	5	-5	2,156

гой. Правда, здесь она не вытеснила второе политическое измерение, а явилась его «младшим партнером».

Конкурируя с размежеваниями в отдельных предметных областях политического пространства, противостояние по вопросам советского прошлого оказалось не столь мощным предиктором (см. табл. 4). Оно играло лишь подчиненную роль при определении политического лица первого электорального размежевания, отдав главное место размежеванию между традиционалистами и модернистами в системной (мировоззренческой) сфере. А при политической интерпретации третьего размежевания оно уступило противостоянию власти и оппозиции в социально-экономической сфере, не сумев пристроиться к нему даже в качестве вспомогательного фактора.

Тем не менее влияние тематики советского прошлого в межпартийном противоборстве на выборах 1993 г. следует признать достаточно существенным. Она внесла известный вклад в определение политиче-

Таблица 2 Корреляция между факторными оценками участников выборов-1993 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

Variable	Correlations (Spreadsheet5) Marked correlations are significant at $p < 0,05000$ $N=13$ (Casewise deletion of missing data)
	Коммунисты — провластные либералы
Политическое измерение — 1	0,157 $p=0,610$
Политическое измерение — 2	-0,874 $p=0,000$
Политическое измерение — 3	0,034 $p=0,912$
Внутренняя политика: власть — оппозиция	0,273 $p=0,367$
Внутренняя политика: коммунисты — лоялисты	0,801 $p=0,001$
Внутренняя политика: особая позиция ЛДПР	-0,254 $p=0,402$
Социально-экономическая сфера: власть — оппозиция	-0,517 $p=0,071$
Социально-экономическая сфера: рынок — план	0,827 $p=0,000$
Системная сфера: традицио- налисты — модернисты	0,803 $p=0,001$
Системная сфера: демократы — консерваторы	-0,712 $p=0,006$
Системная сфера: особая позиция «Достоинства и милосердия»	0,275 $p=0,364$

ской окраски первого, то есть основного, электорального размежевания. Конечно, противостояние по вопросам советского прошлого проиграло в предсказательной силе размежеванию между традиционалистами и модернистами в мировоззренческой сфере. Но, если вдуматься, оно и являлось частью этого размежевания, причем, возможно, не последней по значимости.

Таблица 3 Регрессионная модель (МНК) связей между электоральными размежеваниями на выборах-1993 и противостояниями в политической сфере (модель 1)

	ЭР-1		ЭР-2		ЭР-3		ЭР-4	
	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level
Коэффициент детерминации	0,811	0,000			0,481	0,038	0,506	0,006
	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка
Коммунисты против про-властных либералов в вопросах советского прошлого	-0,900	0,131			0,930	0,469		
Политическое измерение — 1								
Политическое измерение — 2	(0,830)*	(0,168)*			1,339	0,469		
Политическое измерение — 3							0,711	0,212

* Значения beta-коэффициента и стандартной ошибки в случае исключения противостояния по вопросам советского прошлого из набора независимых переменных.

Таблица 4 Регрессионная модель (МНК) связей между электоральными размежеваниями на выборах-1993 и противостоениями в политической сфере (модель 2)

	ЭР-1		ЭР-2		ЭР-3		ЭР-4	
	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level
Коэффициент детерминации	0,968	0,000	0,387	0,023	0,351	0,033	0,556	0,017
Коммунисты против провластных либералов в вопросах советского прошлого	Beta-коэф. -0,270	Станд. ошибка 0,113	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка
Внутренняя политика: власть — оппозиция								
Внутренняя политика: коммунисты — лоялисты							0,931	0,265
Внутренняя политика: особая позиция ЛДПР			-0,622	0,236				
Социально-экономическая сфера: власть — оппозиция					0,592	0,243		
Социально-экономическая сфера: рынок — план								
Системная сфера: традиционалисты — модернизмы	-0,704	0,108					-0,650	0,265
Системная сфера: демократы — консерваторы								
Системная сфера: особая позиция «Достоинства и Милосердия»	-0,237	0,067						

Выборы-1995

В избирательной кампании 1995 г. вопросов, касающихся советского прошлого, было немногим больше, чем на предыдущих выборах, — три из 42, но их характер свидетельствовал о резком ожесточении полемики. Кроме отношения к советскому прошлому в целом в их число вошли также вопросы о необходимости восстановления СССР и советской власти, что объяснялось участием в выборах ортодоксально коммунистического блока «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз», а также активным использованием антикоммунистической риторики со стороны блока «Демократический выбор России — Объединенные демократы». Факторный анализ позиций 17 из 43 участников выборов по пропорциональной системе¹² предсказуемо обнаружил лишь одно размежевание — по линии «коммунисты — антикоммунисты» (см. табл. 5).

¹² Здесь и далее в расчет принимались позиции только тех объединений и блоков, которые получили более 1% голосов.

Таблица 5 Противостояние участников выборов-1995 по вопросам советского прошлого

	<i>Отношение к советскому прошлому</i>	<i>Восстановление советской власти</i>	<i>Восстановление СССР</i>	<i>Факторные оценки</i>
«Коммунисты — Трудовая Россия — за Советский Союз»	5	5	5	-1,781
Аграрная партия России	5	5	4	-1,700
КПРФ	4	5	5	-1,685
«Власть — народу!»	3	3	4	-1,325
Социально-патриотическое движение «Держава»	-2	-3	4	-0,295
«Женщины России»	0	-2	-2	-0,091
«Профсоюзы и промышленники России — Союз труда»	-2	-4	1	0,040
Конгресс русских общин	0	-4	-5	0,335
Блок Ивана Рыбкина	0	-5	-4	0,344
Российская экологическая партия «Зеленые»	-1	-4	-4	0,350
Партия самоуправления трудящихся	-5	-2	-5	0,637
«Яблоко»	-3	-5	-5	0,716
ЛДПР	-4	-5	-5	0,813
«Наш дом — Россия»	-5	-5	-5	0,910
«Памфилова—Гуров—Лысенко (РПРФ)»	-5	-5	-5	0,910
«Вперед, Россия!»	-5	-5	-5	0,910
«Демократический выбор России — Объединенные демократы»	-5	-5	-5	0,910

Противостояние коммунистов и антикоммунистов по тематике советского прошлого хорошо коррелировало с такими предметными размежеваниями, как «советские традиционалисты — модернисты» и «либералы — консерваторы» (системная сфера), «рынок — план» (социально-экономическая сфера), «за и против президента» (внутренняя политика), но максимально — с первым политическим измерением, включавшим элементы первых трех из упомянутых размежеваний (см. табл. 6).

Таблица 6 Корреляция между факторными оценками участников выборов-1995 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

Variable	<i>Correlations (Spreadsheet 11)</i> <i>Marked correlations</i> <i>are significant at $p < 0,05000$</i> <i>N=17 (Casewise deletion</i> <i>of missing data)</i>
	<i>Коммунисты —</i> <i>антикоммунисты</i>
Политическое измерение — 1	-0,879 p=0,000
Политическое измерение — 2	-0,636 p=0,006
Политическое измерение — 3	-0,140 p=0,592
Внутренняя политика: радикалы — умеренные	-0,098 p=0,709
Внутренняя политика: за — против президента	0,720 p=0,001
Внутренняя политика: федералисты — унитаристы	-0,026 p=0,921
Внутренняя политика: президент- ское — парламентское правление	-0,079 p=0,764
Социально-экономическая сфера: рынок — план	0,807 p=0,000
Социально-экономическая сфера: правительство — оппозиция	0,231 p=0,374
Социально-экономическая сфера: противостояние маргиналов	0,064 p=0,806
Системная сфера: советские тра- диционалисты — модернисты	-0,811 p=0,000
Системная сфера: либералы — консерваторы	0,844 p=0,000
Системная сфера: противостояние по чеченскому вопросу	0,294 p=0,251

Что касается воздействия на массовое политическое сознание, то при определении лица первого электорального размежевания противостояние коммунистов и антикоммунистов по тематике советского прошлого уступило первому политическому измерению, однако выиграло у отдельных предметных размежеваний. Причем коэффициент детерминации во второй модели оказался выше, чем в первой (с участием политических измерений), — 0,666 (см. *табл. 7*) против 0,640. На остальные электоральные размежевания противостояние по вопросам советского прошлого не повлияло.

Таким образом, по сравнению с выборами 1993 г. противостояние по вопросам советского прошлого как минимум не утратило влияния на массовое политическое сознание, возможно, даже несколько его увеличило. Это неудивительно, если учесть, что именно на выборы-1995 пришелся пик электорального успеха коммунистов в постсоветской России.

Выборы-1999

В думской кампании 1999 г. к тематике советского прошлого принадлежали уже шесть вопросов (из 58): общее отношение к советскому прошлому, а также отношение к перезахоронению тела Ленина, Сталину, реставрации советской власти, восстановлению СССР и событиям августа 1991 г. Факторный анализ, однако, вновь выявил лишь одно противостояние — и опять по линии «коммунисты — антикоммунисты», точнее «коммунисты — либералы» (см. *табл. 8*).

Это противостояние снова сильно коррелировало с такими предметными размежеваниями, как «советские традиционалисты — модернисты» (системная сфера) и «рынок — план» (социально-экономическая сфера), но в наибольшей степени — с первым политическим измерением, главными элементами которого были оба этих размежевания (см. *табл. 9*).

Противостояние коммунистов и либералов по вопросам советского прошлого не смогло составить конкуренцию политическим измерениям, но успешно вытеснило размежевание между советскими традиционалистами и модернистами в системной сфере при интерпретации второго электорального размежевания (см. *табл. 10*).

Таким образом, и в этой избирательной кампании вопросы советского прошлого продолжали влиять на массовое политическое сознание. Другое дело, что теперь они имели отношение ко второму, а не к первому электоральному размежеванию, которое, вопреки прежним заключениям автора¹³, все-таки поддавалось политической интерпретации — просто для этого требовались более тонкие методики. Из *табл. 10* видно, что основное электоральное размежевание на выборах-1999 можно трактовать как противостояние унитаристов и федералистов во внутренней политике и западников и самобытников в системной сфере, что в общем и целом отражало ожесточенную борьбу между двумя «партиями власти», одна из которых представляла Кремль, а другая — региональных «баронов».

¹³ Коргунок 2013.

Таблица 7 Регрессионная модель (МНК) связей между электоральными размежеваниями на выборах-1995 и противостоениями в политической сфере (модель 2)

	ЭР-1		ЭР-2		ЭР-3		ЭР-4	
	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level
Коэффициент детерминации	0,666	0,000	0,356	0,012	0,238	0,047	0,579	0,002
	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка
Коммунисты против антикоммунистов в вопросах советского прошлого	-0,760	0,168						
Внутренняя политика: радикалы — умеренные	0,299	0,155						
Внутренняя политика: за — против президента					0,488	0,225		
Внутренняя политика: федералисты — унитаристы							-0,421	0,174
Внутренняя политика: президентское — парламентское правление								
Социально-экономическая сфера: рынок — план			-0,596	0,207				
Социально-экономическая сфера: правительство — оппозиция							0,659	0,174
Социально-экономическая сфера: противостоение маргиналов								
Системная сфера: советские традиционалисты — модернисты	(0,459)*	0,188						
Системная сфера: либералы — консерваторы	(-0,463)*	0,188						
Системная сфера: противостоение по чеченскому вопросу								

* Значения beta-коэффициентов в случае исключения противостоения по вопросам советского прошлого из набора независимых переменных.

Таблица 8 Противостояние участников выборов-1999 по вопросам советского прошлого

	Отноше- ние к со- ветскому прошлому	Переза- хоронение тела Ленина	Отноше- ние к Сталину	Рестау- рация со- ветской власти	Воста- новление СССР	Отно- шение к событиям августа 1991 г.	Фактор- ные оценки
«Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз»	5	-5	5	5	5	-5	-1,791
КПРФ	4	-5	5	4	4	-5	-1,650
Партия пенсионеров	3	0	0	-3	-3	0	-0,225
«Женщины России»	-1	0	-2	-3	-3	0	0,071
«Единство»	0	-2	-4	-5	-3	0	0,123
Блок Жириновского	-5	5	-5	-5	4	-5	0,257
«Отечество — Вся Россия»	-1	0	-4	-5	-4	0	0,315
«Наш дом — Россия»	-4	3	-5	-5	-5	3	0,840
«Яблоко»	-5	3	-5	-5	-5	5	0,980
Союз правых сил	-5	5	-5	-5	-5	5	1,081

Таблица 9 Корреляция между факторными оценками участников выборов-1999 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

Variable	Correlations (Spreadsheet 14) Marked correlations are significant at $p < 0,05000$ $N=10$ (Casewise deletion of missing data)
	Коммунисты — либералы
Политическое измерение — 1	-0,973 p=0,000
Политическое измерение — 2	0,534 p=0,112
Политическое измерение — 3	-0,110 p=0,761
Внутренняя политика: власть — оппозиция	-0,070 p=0,848
Внутренняя политика: лоялисты — радикалы	0,734 p=0,016
Внутренняя политика: унитаристы — федералисты	-0,197 p=0,585
Социально-экономическая сфера: рынок — план	-0,955 p=0,000
Социально-экономическая сфера: либералы — социал- протекционисты	0,322 p=0,365
Социально-экономическая сфера: государственники — социал-протекционисты	0,196 p=0,587
Системная сфера: советские традиционалисты — модернисты	-0,942 p=0,000
Системная сфера: западники — самобытники	-0,634 p=0,049
Системная сфера: особая по- зиция Блока Жириновского	-0,242 p=0,501

Таблица 10 Регрессионная модель (МНК) связей между электоральными размежеваниями на выборах-1999 и противостояниями в политической сфере (модель 2)

	ЭР-1		ЭР-2		ЭР-3	
	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level
Коэффициент детерминации	0,810	0,003	0,880	0,004	0,481	0,026
Коммунисты против антикоммунистов в вопросах советского прошлого	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка
Внутренняя политика: власть — оппозиция			-0,813	0,145		
Внутренняя политика: лоялисты — радикалы			-0,499	0,142		
Внутренняя политика: унитаристы — федералисты	-0,729	0,165	-0,422	0,145	0,694	0,255
Социально-экономическая сфера: рынок — план						
Социально-экономическая сфера: либералы — социал-протекционисты						
Социально-экономическая сфера: государственники — социал-протекционисты						
Системная сфера: советские традиционалисты — модернисты			(0,682)*	0,259		
Системная сфера: западники — самобытники	-0,575	0,165				
Системная сфера: особая позиция Блока Жириновского						

* Значение beta-коэффициента в случае исключения противостояния по вопросам советского прошлого из набора независимых переменных.

Выборы-2003

В 2003 г. интерес к тематике советского прошлого резко снизился — до двух вопросов (из 43). Кроме традиционного отношения к советскому прошлому осталось только восстановление советской власти (главным образом благодаря включению в список КППРФ лидера Российской коммунистической рабочей партии Виктора Тюлькина). Факторный анализ ожидаемо дал лишь одно противостояние, которым — тоже вполне ожидаемо — оказалось противостояние коммунистов и антикоммунистов (либералов) (см. *табл. 11*).

Это противостояние достаточно сильно коррелировало с размежеваниями «либералы — протекционисты», «рынок — план» (социально-экономическая сфера) и «советские традиционалисты — модернисты» (системная сфера), но в наибольшей степени — со вторым политическим измерением, представлявшим собою комбинацию этих противостояний (см. *табл. 12*).

Использование факторных оценок участников выборов-2003 не изменило результатов первой модели интерпретации электоральных размежеваний, но оказалось эффективным для второй, где данное противостояние конкурировало с предметными размежеваниями. В частности, оно вытеснило из набора предикторов противостояние советских традиционалистов и модернистов в системной области, зато освободило пространство для двух размежеваний из социально-экономической сферы — «рынок — план» и «глобалисты — автаркисты» (см. *табл. 13*).

Другими словами, значимость повестки советского прошлого в избирательной кампании 2003 г. несколько снизилась, но не настолько, чтобы перестать оказывать влияние как минимум на второе по значимости электоральное размежевание.

Что касается первого электорального размежевания, то именно на выборах-2003 оно приобрело отчетливую авторитарно-демократическую окраску. Данная тенденция малоактуальна для Западной Европы после крушения авторитарных режимов в Испании, Португалии и Греции, но сохраняет релевантность на постсоветском пространстве и в Латинской Америке¹⁴, а в последнее время обозначилась также в Центральной и Восточной Европе¹⁵.

¹⁴ Torcal and Mainwaring 2002; Stoll 2004: 32; Ахременко 2007.

¹⁵ Sata and Karolewski 2020.

Выборы-2007

В думской кампании 2007 г. число вопросов, касающихся советского прошлого, выросло до четырех (из 58): к отношению к советскому прошлому в целом добавилось отношение к СССР, Сталину и Октябрю-1917. И снова факторный анализ выявил лишь одно противостояние и опять по той же самой линии: коммунисты (социал-патриоты) против антикоммунистов (либералов) (см. *табл. 14*).

Это противостояние сильно коррелировало с первым политическим измерением, а также с противостояниями «либералы — социал-протекционисты» (социально-экономическая сфера) и «традиционалисты — модернисты» (системная сфера), являвшимися главными составляющими этого политического измерения (см. *табл. 15*). Кста-

Таблица 11 Противостояние участников выборов-2003 по вопросам советского прошлого

	<i>Восстановление советской власти</i>	<i>Отношение к советскому прошлому</i>	<i>Факторные оценки</i>
Союз правых сил	-5	-5	-0,959
«Яблоко»	-5	-5	-0,959
Народная партия РФ	-5	-3	-0,617
«Единая Россия»	-5	-3	-0,617
Аграрная партия России	-5	-2	-0,446
ЛДПР	-5	-1	-0,275
Российская партия пенсионеров — Партия социальной справедливости	-4	0	0,064
«Родина»	-4	0	0,064
Партия возрождения России — Российская партия жизни	-5	2	0,238
Концептуальная партия «Единение»	0	2	1,077
КПРФ	5	5	2,429

Таблица 12 Корреляция между факторными оценками участников выборов-2003 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

<i>Variable</i>	<i>Correlations (Spreadsheet 17)</i> <i>Marked correlations</i> <i>are significant at $p < 0,05000$</i> <i>N=11 (Casewise deletion</i> <i>of missing data)</i>
	<i>Коммунисты — либералы</i>
Политическое измерение — 1	0,539 p=0,087
Политическое измерение — 2	0,846 p=0,001
Политическое измерение — 3	-0,337 p=0,311
Внутренняя политика: власть — общественность	0,129 p=0,706
Внутренняя политика: системные — антисистемные	-0,460 p=0,155
Внутренняя политика: особая позиция Аграрной партии России	0,354 p=0,286
Внутренняя политика: лоялисты — оппозиционеры	0,045 p=0,896
Социально-экономическая сфера: либералы — протекционисты	0,708 p=0,015
Социально-экономическая сфера: рынок — план	-0,715 p=0,013
Социально-экономическая сфера: глобалисты — автаркисты	0,196 p=0,564
Системная сфера: либералы — консерваторы	0,429 p=0,188
Системная сфера: советские традиционалисты — модернисты	0,786 p=0,004

Таблица 13 Регрессионная модель (МНК) связей между электоральными размежеваниями на выборах-2003 и противостояниями в политической сфере (модель 2)

	ЭР-1		ЭР-2		ЭР-3		ЭР-4	
	R ²	P-level						
Коэффициент детерминации	0,307	0,077	0,931	0,001			0,374	0,045
Коммунисты против либералов в вопросах советского прошлого	Beta-коэф.	Станд. ошибка						
Внутренняя политика: власть — общественность			-0,990	0,205				
Внутренняя политика: системные — антисистемные	0,554	0,277						
Внутренняя политика: особая позиция Аграрной партии России			-0,500	0,119				
Внутренняя политика: лоялисты — оппозиционеры								
Социально-экономическая сфера: либералы — протекционисты								
Социально-экономическая сфера: рынок — план			-0,498	0,214				
Социально-экономическая сфера: глобалисты — автаркисты			0,603	0,152			0,612	0,264
Системная сфера: либералы — консерваторы								
Системная сфера: советские традиционалисты — модернисты			(-0,469)*	0,210				

* Значение beta-коэффициента в случае исключения противостояния по вопросам советского прошлого из набора независимых переменных.

Таблица 14 Противостояние участников выборов-2007 по вопросам советского прошлого

	Отношение к советскому прошлому	Отношение к Сталину	Отношение к СССР	Отношение к Октябрь-1917	Отношение к советскому прошлому	Отношение к Сталину	Отношение к СССР	Факторные оценки
КПРФ	3	5	5	5	3	5	5	-1,987
«Патриоты России»	4	0	0	0	4	0	3	-1,164
Аграрная партия России	0	0	0	0	0	0	0	-0,604
Партия социальной справедливости	0	0	0	0	0	0	0	-0,604
«Справедливая Россия»	0	2	-5	2	0	-5	0	-0,374
«Единая Россия»	-4	-5	-4	-5	-4	-4	-3	0,618
ЛДПР	-2	-5	-5	-5	-2	-5	-4	0,619
«Гражданская сила»	-5	-5	-5	-5	-5	-5	-4	0,853
Демократическая партия России	-5	-5	-5	-5	-5	-5	-4	0,853
«Яблоко»	-5	-5	-5	-5	-5	-5	-4	0,853
Союз правых сил	-5	-5	-5	-5	-5	-5	-5	0,936

Таблица 15 Корреляция между факторными оценками участников выборов-2007 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

<i>Variable</i>	<i>Correlations (Spreadsheet 10)</i> <i>Marked correlations</i> <i>are significant at $p < 0,05000$</i> <i>N=11 (Casewise deletion</i> <i>of missing data)</i>
	<i>Коммунисты —</i> <i>антикоммунисты</i>
Политическое измерение — 1	-0,793 p=0,004
Политическое измерение — 2	-0,094 p=0,783
Политическое измерение — 3	0,348 p=0,294
Внутренняя политика: власть — общественность	-0,118 p=0,730
Внутренняя политика: за — против Путина	0,229 p=0,497
Внутренняя политика: фактор Демократической партии России	0,104 p=0,762
Социально-экономическая сфера: либералы — социал-протекционисты	-0,843 p=0,001
Социально-экономическая сфера — 2 (не поддалось внятной интерпретации)	-0,230 p=0,496
Социально-экономическая сфера: власть — общественность	-0,136 p=0,690
Системная сфера: традиционалисты — модернисты	-0,808 p=0,003
Системная сфера: лоялисты — коммунисты	0,078 p=0,820
Системная сфера: идеологи — прагматики	-0,073 p=0,831

ти, впервые корреляция с каждым отдельным предметным размежеванием оказалась сильнее, чем корреляция с политическим измерением в целом, что может свидетельствовать о начавшейся фрагментации политического пространства и, следовательно, массового политического сознания российского электората.

Также впервые в истории постсоветской России противостояние по вопросам советского прошлого оказалось не в состоянии конкурировать с предметными размежеваниями и политическими измерениями в качестве предиктора электорального поведения. В первой модели оно уступило первому политическому измерению, во второй — противостоянию традиционалистов и модернистов в системной сфере.

Можно сделать вывод, что в этот период тематика советского прошлого начала терять влияние на выбор избирателя.

Выборы-2011

В ходе думской кампании 2011 г. количество вопросов, связанных с советским прошлым, вновь уменьшилось — до двух (из 40); кроме собственно отношения к советскому прошлому поднимался также вопрос о выносе тела Ленина из Мавзолея. Выявленное факторным анализом противостояние вполне ожидаемо было противостоянием коммунистов и антикоммунистов: к либералам («Яблоко» и «Правое дело») примкнула ЛДПР, к КПРФ — «Патриоты России» (см. табл. 16).

Таблица 16 Противостояние участников выборов-2011 по вопросам советского прошлого

	<i>Отношение к советскому прошлому</i>	<i>Вынос тела Ленина из Мавзолея</i>	<i>Факторные оценки</i>
«Яблоко»	-5	5	-0,893
«Правое дело»	-5	5	-0,893
ЛДПР	-4	5	-0,773
«Единая Россия»	-3	3	-0,393
«Справедливая Россия»	-3	-3	0,384
«Патриоты России»	5	0	0,960
КПРФ	5	-5	1,608

Это противостояние сильно коррелировало с размежеванием либералов и коммунистов в социально-экономической сфере и первым

политическим измерением, в котором это размежевание играло ведущую роль, но более всего, как ни странно, с противостояниями либералов и консерваторов во внутренней политике и системной области (см. табл. 17).

Таблица 17 Корреляция между факторными оценками участников выборов-2011 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

Variable	Correlations (Spreadsheet 1) Marked correlations are significant at $p < 0,05000$ $N=7$ (Casewise deletion of missing data)
	Коммунисты — антикоммунисты
Политическое измерение — 1	0,790 p=0,034
Политическое измерение — 2	0,747 p=0,054
Политическое измерение — 3	-0,025 p=0,957
Внутренняя политика: либералы — консерваторы	-0,889 p=0,007
Внутренняя политика: власть — либералы	0,542 p=0,209
Внутренняя политика: власть — консерваторы	-0,123 p=0,793
Социально-экономическая сфера: лоялисты — социал-протекционисты	0,597 p=0,157
Социально-экономическая сфера: коммунисты — либералы	0,780 p=0,039
Системная сфера: либералы — консерваторы	0,933 p=0,002
Системная сфера: советские традици- оналисты — модернисты	0,742 p=0,056

Однако в электоральном пространстве, то есть на уровне массового политического сознания, противостояние по вопросам советского прошлого не смогло конкурировать с политическими измерениями и размежеваниями в отдельных предметных областях.

Первое электоральное размежевание следует интерпретировать как противостояния власти и либералов во внутренней политике и лоялистов и социал-протекционистов в социально-экономической сфере, второе — как противостояние коммунистов и либералов в социально-экономической сфере. Пожалуй, впервые размежевание между советскими традиционалистами и модернистами в системной сфере не участвовало в определении политического лица электоральных размежеваний, а противостояние по вопросам советского прошлого хотя и коррелировало с ним достаточно сильно, но с выходящим за рамки 0,05 порогом статистической значимости.

Можно констатировать, что на выборах 2011 г. противостояние по тематике советского прошлого осталось на периферии массового политического сознания, куда оно было вытеснено еще в ходе предыдущей думской кампании. Это неудивительно, если учесть, что стержнем повестки выборов-2011 была критика в адрес «Единой России» со стороны всех остальных участников.

Выборы-2016

Думская кампания 2016 г. проходила на фоне все еще длящегося «крымского консенсуса». Тематика советского прошлого явно не играла в ней ведущей роли. Из соответствующих вопросов в общую повестку (77 пунктов) вошло только отношение к ГКЧП, и то, видимо, лишь потому, что на этот раз годовщина августовских событий 1991 г. пришлась на разгар избирательной кампании. Тем не менее вопросы эти присутствовали в межпартийной дискуссии в предшествующие месяцы, поэтому считать, что они никак не влияли на позиции партий и выбор электората, тоже нельзя.

Поскольку к этому времени автор уже мониторил межпартийную дискуссию в ежедневном режиме (с регулярными ежеквартальными замерами посредством факторного, корреляционного и регрессионного анализа), вычленил эти вопросы не составило особого труда: помимо отношения к ГКЧП и общего отношения к советскому прошлому обсуждалось также отношение к Ленину, Октябрю-1917, перестройке, развалу СССР, восстановлению памятника Дзержинскому, переименованию Волгограда в Сталинград, фальсификации истории Западом, смене «советских» названий улиц, допустимости уравнивания коммунистических и фашистских режимов. Факторный анализ партийных позиций по этим вопросам впервые дал не одно, а два размежевания — кроме традиционного противостояния коммунистов и антикоммунистов (либералов) было обнаружено дополнительное, связанное с особым местом ЛДПР (см. *табл. 18*).

Таблица 18 Противостояние участников выборов-2016 по вопросам советского прошлого

	Отношение к ГКЧП	Отношение к советскому прошлому	Увековечение памяти Сталина	Отношение к развалу СССР	Смена «советских» названий улиц	Отношение к Ленину	Отношение к Октябрю-1917	Допустимость уравнивающая коммунистических и фашистских режимов	Переименование Воеводы в Сталинград	Востановление памятника Дзержинскому	Отношение к перестройке в СССР	Факторные оценки — 1	Факторные оценки — 2
«Патриоты России»	1	0	4	4	-3	4	4	0	5	0	-5	-1,031	-0,831
Партия народной свободы	-5	-5	-5	-5	4	-5	-5	-5	-5	-5	5	1,590	-0,780
Партия роста	-5	-5	-4	0	1	-3	-3	0	0	0	0	0,556	-0,595
Российская партия пенсионеров за справедливость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-0,082	-0,477
«Гражданская платформа»	1	-5	1	0	1	-3	-3	0	0	0	0	0,205	-0,466
Российская экологическая партия «Зеленые»	0	0	-1	0	0	0	0	0	0	0	0	-0,049	-0,422
«Гражданская сила»	-1	-5	-4	0	1	-3	-3	0	0	0	0	0,432	-0,325
КПРФ	5	5	5	5	-5	5	5	5	5	5	-5	-1,784	-0,220
«Коммунисты России»	5	5	5	5	-5	5	5	5	5	5	-5	-1,784	-0,220
«Яблоко»	-5	-5	-5	1	5	-5	-5	-5	-5	-5	5	1,409	-0,159
«Справедливая Россия»	-3	-5	-3	-1	5	1	4	3	-5	-5	-1	0,498	0,057
«Родина»	1	0	0	5	0	0	-3	0	0	0	-5	-0,375	0,553
«Единая Россия»	-3	0	-3	1	-4	-3	-5	5	-5	-3	1	0,338	0,796
ЛДПР	5	4	-5	5	5	-4	-5	5	-5	-5	-5	0,077	3,091

Особость позиции ЛДПР заключалась в том, что в отношении к советскому прошлому в целом, Ленину, Октябрьской революции, переименованию улиц, увековечению памяти Сталина и восстановлению памятника Дзержинскому либерал-демократы солидаризовались с либералами, тогда как в отношении к ГКЧП, разрушению СССР, перестройке, уравниванию коммунистических и фашистских режимов — с коммунистами.

Во многом особая позиция ЛДПР отражала еще одно противостояние в сегменте политического пространства, связанном с отношением к советскому прошлому, — консерваторы против либералов. Более явственно это противостояние обнаруживалось при использовании R-техники факторного анализа. Однако для ее применения было необходимо ограничить число включаемых в анализ партий — чтобы оно хотя бы вдвое уступало количеству вопросов. Это было сделано в предыдущих работах автора¹⁶, и там такое противостояние действительно дало о себе знать. Но полученные в результате факторные нагрузки можно сравнивать с факторными нагрузками тех же партий в электоральном пространстве с большими оговорками — из анализа выпадали слишком многие участники. Поэтому в данном случае пришлось прибегнуть к Q-технике.

¹⁶ Коргунок 2021, 2022.

Первое из противостояний по тематике советского прошлого («коммунисты — либералы») сильно коррелировало с целым рядом политических измерений и предметных размежеваний (больше всего с противостоянием тех же коммунистов и либералов в социально-экономической сфере), второе (особая позиция ЛДПР) — с аналогичным фактором (особое место ЛДПР) во внутриполитической сфере (см. табл. 19).

Характерно, что противостояние коммунистов и либералов по вопросам советского прошлого достаточно сильно коррелировало с обоими размежеваниями в системной сфере: «„ястребы“ — „голуби“» и «консерваторы — либералы». До 2014 г. в этой предметной области доминировали вопросы мировоззренческого характера, связанные с противостоянием традиционалистов и модернистов, либералов и консерваторов и т.п. Присоединение Крыма и события на юго-востоке Украины привели к выделению внешней политики в отдельную предметную сферу.

В целом это соответствует существованию двух разновидностей системной предметной области как сферы противоборства между приверженцами открытости и закрытости общественных систем — «временной» (мировоззренческой) и «пространственной» (внешнеполитической). Первая предполагает противостояние ориентирующихся на прошлое и на будущее, вторая — сторонников и противников интеграции в наднациональные структуры. К первой можно отнести зафиксированную Рональдом Инглхартом оппозицию материалистов и постматериалистов¹⁷, а также размежевания по линиям «традиционная культура против новой»¹⁸, «новая политика против старой»¹⁹; ко вто-

¹⁷ Inglehart 1971.

¹⁸ Huber and Inglehart 1995.

¹⁹ Müller-Rommel (ed.) 1989; Franklin 1992.

Таблица 19 Корреляция между факторными оценками участников выборов-2016 по вопросам советского прошлого и их факторными нагрузками по основным политическим измерениям и размежеваниям в отдельных предметных областях

Variable	<i>Correlations (Spreadsheet 1)</i> <i>Marked correlations</i> <i>are significant at $p < 0,05000$</i> <i>N=14 (Casewise deletion</i> <i>of missing data)</i>	
	<i>Коммунисты —</i> <i>либералы</i>	<i>ЛДПР</i>
Политическое измерение — 1	0,747 p=0,002	-0,224 p=0,441
Политическое измерение — 2	-0,600 p=0,023	0,320 p=0,265
Политическое измерение — 3	-0,415 p=0,141	0,100 p=0,733
Внутренняя политика: власть — оппозиция	0,285 p=0,324	0,336 p=0,241
Внутренняя политика: либералы — лоялисты	0,320 p=0,264	-0,017 p=0,953
Внутренняя политика: социал-патриоты — либералы	0,491 p=0,075	-0,119 p=0,685
Внутренняя политика: особое место ЛДПР	-0,183 p=0,530	0,651 p=0,012
Социально-экономическая сфера: власть — системная оппозиция	0,533 p=0,050	-0,137 p=0,639
Социально-экономическая сфера: коммунисты—либералы	0,823 p=0,000	-0,219 p=0,452
Социально-экономическая сфера: власть — либеральная оппозиция	-0,153 p=0,602	0,202 p=0,488
Системная сфера: «ястребы» — «голуби»	0,705 p=0,005	-0,272 p=0,347
Системная сфера: консерваторы—либералы	0,649 p=0,012	-0,291 p=0,314

²⁰ Kriesi et al. 2012.

²¹ Häusermann and Kriesi 2015.

²² Teney, Lacewell, and Wilde 2014.

²³ Bornschier 2010.

²⁴ Hooghe, Marks, and Wilson 2002; Hooghe and Marks 2018.

²⁵ В первом политическом измерении превалировало противостояние «ястребов» и «голубей» во внешней политике, в третьем — сочетание противостояний коммунистов и либералов в социально-экономической сфере и либералов и лоялистов во внутренней политике.

рой — противостояния между приверженцами демаркации и адептами интеграции, выигравшими от глобализации и проигравшими от нее²⁰, универсалистами и партикуляристами²¹, космополитами и коммунистами²².

Имеются и комбинированные варианты, противопоставляющие либертарианцев-унитаристов традиционалистам-коммунистам²³ или зеленых/альтернативистов/либертарианцев традиционалистам/авторитаристам/националистам (GAL/TAN)²⁴. Но подобное слияние актуально там, где внешнеполитическое и мировоззренческое измерения объединяются в одно. Именно так обстояло дело в постсоветской России до 2014 г., но затем эти измерения полностью перестали совпадать. Впрочем, сказать, что они сделались ортогональными, тоже нельзя — в противном случае у противостояния коммунистов и либералов по вопросам советского прошлого не было бы такой сильной корреляции с обоими из них.

Если говорить о степени влияния двух противостояний по тематике советского прошлого на массовое политическое сознание, то, несмотря на отсутствие большинства этих вопросов в актуальной повестке предвыборной кампании, сбрасывать их со счетов не следует. Множественная регрессия обнаружила, что при воздействии на второе электоральное размежевание они оказались способны вытеснить в качестве предикторов первое и третье политические измерения²⁵ (см. табл. 20).

Правда, составить столь же сильную конкуренцию размежеваниям коммунистов и либералов в социально-экономической сфере и социал-патриотов и либералов во внутренней политике противостояния по тематике советского прошлого не смогли.

Таким образом, определенное возрождение повестки советского прошлого произошло уже на выборах 2016 г. Ее влияние было скорее латентным, нежели явным, но достаточно конкурентоспособным как минимум в одной из моделей.

Выборы-2021

²⁶ Коргунок 2022.

Тематике советского прошлого в думской кампании 2021 г. была посвящена одна из предыдущих статей автора²⁶, поэтому ограничимся тем, что кратко перескажем ее выводы.

В 2021 г. советского прошлого в той или иной степени касались 16 из 185 вопросов думской кампании: отношение к советскому прошлому (включая смену связанных с ним географических названий), Ленину (в частности, перезахоронению его тела), Сталину (в том числе увековечению его памяти), Октябрю-1917, пакту Молотова—Риббентропа, отождествлению коммунистических и фашистских режимов, перестройке, деятельности Горбачева и Ельцина, ГКЧП, ликвидации СССР, празднику День России (12 июня), восстановлению памятника Дзержинскому. Еще три вопроса были «латентными» (то есть обсуждались в период, предшествующий избирательной кампании): пре-

Таблица 20 Регрессионная модель (МНК) связей между электоральными размежеваниями на выборах-2003 и противостояниями в политической сфере (модель 2)

	ЭР-1		ЭР-2		ЭР-3	
	R ²	P-level	R ²	P-level	R ²	P-level
Коэффициент детерминации	0,483	0,006	0,606	0,006		
	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка	Beta-коэф.	Станд. ошибка
Политическое измерение — 1			(0,535)*	0,187		
Политическое измерение — 2	-0,695	0,208				
Политическое измерение — 3			(-0,489)*	0,187		
Коммунисты против либералов			0,686	0,189		
Особая позиция ЛДПР			-0,367	0,189		

* Значения beta-коэффициентов в случае исключения противостояний по вопросам советского прошлого из набора независимых переменных.

емственность РФ по отношению к СССР, переименование Волгограда в Сталинград и принятие закона об ответственности за пропаганду сталинизма.

Использование Q-техники выявило те же два фактора, что и в 2016 г.: коммунисты против либералов и особая позиция ЛДПР как паллиатив противостояния консерваторов и либералов.

Первое противостояние сильно коррелировало с размежеваниями «советские традиционалисты — модернисты» и «либералы — консерваторы» в мировоззренческой сфере, третьим политическим измерением, в котором доминировали элементы названных размежеваний, а также противостоянием «ястребов» и «голубей» во внешней политике. Второй фактор, связанный с особой позицией ЛДПР, не имел значимой корреляции ни с одним политическим измерением или предметным размежеванием.

Что касается связи с массовым политическим сознанием, то противостояние коммунистов и либералов по вопросам советского прошлого не смогло составить конкуренцию противостоянию либералов и консерваторов в мировоззренческой сфере при определении политической окраски второго электорального размежевания — во всяком случае для совокупности всех 85 регионов. Однако в модели из 64 регионов, в которых явка не превышала 60% (введенной, чтобы нивелировать эффект фальсификаций в пользу «Единой России»), это противостояние вышло победителем.

Кроме того, в модели из 64 регионов фактор, связанный с особой позицией ЛДПР, неожиданно дал интерпретацию одному из электоральных размежеваний, которое в ином случае оставалось не окрашенным политически.

Все это свидетельствовало о возрастании (по сравнению с 2016 г.) влияния тематики советского прошлого на голосование за ту или иную партию, что не в последнюю очередь объяснялось повышением интереса к данной тематике со стороны партий, прежде достаточно к ней равнодушных: «Единой России» (с целью частичного перехвата этой повестки у коммунистов), «Справедливой России — За Правду» (ввиду прихода в партию сталинистов-«прилепинцев») и «Яблока» (в том числе для противодействия «умному голосованию», от которого выигрывала прежде всего КПРФ).

Обсуждение

Но не было ли появление второго противостояния в рамках полемики по вопросам советского прошлого («консерваторы—либералы», оно же — особая позиция ЛДПР) лишь следствием более детального мониторинга межпартийной дискуссии, которым автор начал заниматься только с 2015 г.? Ведь из всех вопросов данной тематики на выборах 2016 г. поднимался всего один — об отношении к ГКЧП, остальные обсуждались в предшествовавшие избирательной кампании месяцы и даже годы. Возможно, та же самая ситуация имела место и в ходе пре-

дыдущих кампаний? Вспомним, что ЛДПР находится на политической сцене с рубежа 1980—1990-х годов, а на выборах 1993 г. вообще была триумфатором. И вряд ли ее позиция по тематике советского прошлого претерпевала какие-то изменения на протяжении всего постсоветского периода.

Здесь есть над чем подумать. Да, позиция ЛДПР по этой тематике всегда была особой — не просоветской и не антисоветской, она была консервативной, а значит, в каком-то смысле противостоящей и тому, и другому полюсу. Но при этом нужно учитывать два обстоятельства.

Во-первых, для возникновения отдельного противостояния в рамках какой-то предметной области мало особой позиции одного из участников дискуссии. Надо, чтобы в линию с нею выстраивались и другие участники. Если бы ЛДПР со своей позицией оставалась в одиночестве, факторный анализ просто поместил бы ее в центр, нового же измерения не появилось бы.

Следовательно (это во-вторых), чтобы особая позиция одной из партий имела хоть какое-то значение, нужно, чтобы соответствующие вопросы оказались в фокусе межпартийной полемики, то есть были интересны и другим ее участникам.

Например, КПРФ вот уже добрых два десятка лет пытается внедрить в общенациональную повестку вопрос о «народных предприятиях», то есть предприятиях, принадлежащих самим трудовым коллективам. Но у нее ничего не получается, поскольку остальные партии не проявляют к этой теме никакого интереса и не видят резона подыгрывать коммунистам. Так что вопрос о «народных предприятиях» так и прозябает на задворках межпартийной дискуссии.

То же и с тематикой советского прошлого. На протяжении 1990—2000-х годов ее промоутерами были коммунисты и их идейные противники либералы, которые играли, так сказать, в одни ворота, i.e. выдвигали на первый план вопросы, актуальные лишь в рамках противостояния «коммунисты — антикоммунисты».

ЛДПР если и участвовала в этой дискуссии, то в режиме реагирования, но никак не в качестве инициатора. Вопросы, которые стали «работать» на нее, создавая в полемике по тематике советского прошлого отдельное измерение «консерваторы—либералы», начали выдвигаться в центр дискуссии примерно с середины 2000-х годов (а наиболее активно — с 2012 г.) самой властью и ее лоялистскими союзниками. Речь идет о таких вопросах, как фальсификация истории Западом, отношение к перестройке, ГКЧП, Горбачеву, Ельцину, празднику День России, недопустимость отождествления коммунистических и фашистских режимов, преемственность РФ по отношению к СССР.

Пока власть дистанцировалась от обсуждения этих вопросов, шансы на вхождение их в повестку были невелики. Понадобилось стремление Кремля перехватить эту тему у левых, чтобы противостояние «консерваторы — либералы» по целому ряду вопросов обще-

ственной жизни, включая советское прошлое, ответвилось в отдельную линию.

Впрочем, данная проблема нуждается в дополнительном изучении, и, возможно, в будущем мы к ней вернемся.

Заключение

Роль тематики советского прошлого в межпартийной дискуссии и ее влияние на массовое политическое сознание в избирательных кампаниях 1993—2021 гг. не стоит недооценивать. Несмотря на довольно скромное количество вопросов, относящихся к этой сфере, и их сравнительно небольшую долю в общей повестке — два из 31 в 1993 г., три из 42 в 1995 г., шесть из 58 в 1999 г., два из 43 в 2003 г., четыре из 58 в 2007 г., два из 40 в 2011 г., один (плюс 10 присутствовавших латентно) из 77 в 2016 г., 16 (плюс три «латентных») из 185 в 2021 г., — они формировали противостояния, сильно коррелировавшие с размежеваниями внутри ведущих политических измерений и предметных областей и вызывавшие резонанс в массовом политическом сознании.

В 1993—2011 гг. речь шла лишь об одном противостоянии — «коммунисты — антикоммунисты (либералы)». В 2016—2021 гг. к нему добавилось размежевание по линии «консерваторы — либералы», проявлявшееся в особой позиции ЛДПР, которая по одним вопросам советского прошлого примыкала к либералам, по другим — к коммунистам.

В 1993 и 1995 гг. противостояние между коммунистами и антикоммунистами (либералами) по вопросам советского прошлого успешно конкурировало с политическими измерениями и предметными размежеваниями при определении политического лица первого (ключевого) электорального размежевания. Это неудивительно, если учесть, что в роли конкурента выступало главным образом противостояние советских традиционалистов и модернистов-реформаторов, сочетавшее в себе элементы противостояний как в социально-экономической, так и в мировоззренческой сфере. Поскольку противостояние по тематике советского прошлого заставляло потесниться именно социально-экономическую составляющую, можно сделать вывод о доминировании в этом размежевании ценностного, мировоззренческого компонента.

В 1999 г. сфера влияния противостояния между коммунистами и антикоммунистами (либералами) по вопросам советского прошлого переместилась из первого электорального размежевания во второе. При этом в рассматриваемом году данное размежевание по своим характеристикам (в частности, по максимальному и эффективному ареалу²⁷) фактически не уступало первому. Воздействие же на него противостояния по тематике советского прошлого оставалось высоким, оттесняя на задний план размежевание между советскими традиционалистами и модернистами в системной области.

Начиная с 2003 г. ведущие позиции в массовом политическом сознании окончательно заняло авторитарно-демократическое размежевание (между властью и «невластью»), а ареал второго электорального

²⁷ См. Коргунок 2019b.

размежевания стал последовательно сжиматься. Снижалось и значение влияющего на него противостояния между коммунистами и антикоммунистами (либералами) по вопросам советского прошлого. И если в 2003 г. это противостояние успешно конкурировало с размежеваниями между рыночниками и «плановиками» (социал-патерналистами) в социально-экономической сфере и советскими традиционалистами и модернистами в сфере системной, то в 2007—2016 гг. оно этой конкуренции уже не выдерживало. Разумеется, оно еще сохраняло свою действенность, но только как фоновое. В частности, в 2016 г. противостояние по повестке советского прошлого, уступая первенство противостоянию коммунистов и либералов в социально-экономической области и социал-патриотов и либералов во внутренней политике, тем не менее заметно выделялось среди основных политических измерений.

В 2021 г. произошел своего рода ренессанс советского прошлого — к нему начали активно апеллировать не только коммунисты и либералы, но и другие политические силы, включая «партию власти». Соответственно, усилилось и влияние связанных с ним противостояний на электоральные размежевания, следующие за основным. Правда, ведущим это влияние было лишь в модели, включающей только те регионы, в которых явка составляла меньше 60%. Здесь противостояние между коммунистами и либералами по тематике советского прошлого определяло лицо второго электорального размежевания, а особая позиция ЛДПР — третьего.

Таким образом, можно констатировать, что весомость тематики советского прошлого в массовом политическом сознании имела волнообразный характер. В 1993—2003 гг. данная тематика во многом была наследием самого этого прошлого. Пережив своеобразный пик в 1995 г., в дальнейшем она постепенно утрачивала значимость. Сначала, в 1999 и 2003 гг., она переместилась из первого электорального размежевания во второе, а затем потерялась в тени более широких предметных размежеваний — социально-экономического и мировоззренческого. Однако на выборах 2021 г. произошло определенное возрождение этой тематики; противостояние по соответствующим вопросам в известной степени восстановило утраченные позиции.

Насколько естественным (или, наоборот, искусственным) было это возрождение, покажет будущее.

Библиография

Ахременко А.С. (2007) *Структура электорального пространства*. М.: Социально-политическая мысль.

Коргунюк Ю.Г. (2013) «Концепция размежеваний и факторный анализ» // *Полития*, № 3 (70): 31—61. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3\(70\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3(70).pdf) (проверено 24.11.2022).

Коргунюк Ю.Г. (2017) «Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения» // *Политическая наука*, № 1: 90—119.

Коргунюк Ю.Г. (2019а) «Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения» // *Полис. Политические исследования*, № 6: 95—112. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/6/Polis-6-2019-Korguniuk.pdf> (проверено 24.11.2022).

Коргунюк Ю.Г. (2019б) «Новые инструменты измерения электоральных размежеваний: от макро- к микроуровню» // *Электоральная политика*, № 1. URL: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/povue-instrumenty-izmereniia-elektoralnykh-razmezhevanii-ot-makro-k-mikrourovniu/> (проверено 24.11.2022).

Коргунюк Ю.Г. (2021) «Советское прошлое и межпартийное противостояние: опыт использования количественных методов» // *Политическая наука*, № 1: 274—300. URL: http://inion.ru/site/assets/files/5952/13_korguniuk.pdf (проверено 24.11.2022).

Коргунюк Ю.Г. (2022) «Тематика советского прошлого в думской кампании 2021 года» // *Полития*, № 3 (106): 105—129. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-3\(106\)-Pages-001-202-105-129.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-3(106)-Pages-001-202-105-129.pdf) (проверено 24.11.2022).

Bornschieer S. (2010) *Cleavage Politics and the Populist Right: The New Cultural Conflict in Western Europe*. Philadelphia: Temple University Press.

Budge I. and J.Homola. (2012) «How Far Have European Political Parties Followed the Americans to the Right in the Later Post-War Period?» // *Cambio. Rivista sulle trasformazioni sociali*, vol. 2, no. 4: 71—86.

Budge I., D.Robertson, and D.Hearl, eds. (1987) *Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analyses of Post-War Election Programmes in 19 Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Franklin M. (1992) «The Decline of Cleavage Politics» // Franklin M., T.Mackie, and H.Valen, eds. *Electoral Change: Responses to Evolving Social and Attitudinal Structures in Western Countries*. Cambridge: Cambridge University Press: 381—402.

Häusermann S. and H.Kriesi. (2015) «What Do Voters Want? Dimensions and Configurations in Individual-Level Preferences and Party Choice» // Beramendi P., S.Häusermann, H.Kitschelt, and H.Kriesi, eds. *The Politics of Advanced Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press: 202—230.

Hooghe L. and G.Marks. (2018) «Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage» // *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no. 1: 109—135.

Hooghe L., G.Marks, and C.J.Wilson. (2002) «Does Left/Right Structure Party Positions on European Integration?» // *Comparative Political Studies*, vol. 35, no. 8: 965—989.

Huber J. and R.Inglehart. (1995) «Expert Interpretations of Party Space and Party Locations in 42 Societies» // *Party Politics*, vol. 1, no. 1: 73—111.

Inglehart R. (1971) «The Silent Revolution in Post-Industrial Societies» // *American Political Science Review*, vol. 65, no. 4: 991—1017.

Korgunyuk Yu. (2014) «Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia» // *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 15, no. 4: 401—415.

Korgunyuk Yu. (2020) «Issue Dimensions and Cleavages: How the Russian Experience Helps to Look for Cross-points» // *Russian Politics*, vol. 5, no. 2: 206—235.

Kriesi H., E.Grande, M.Dolezal, M.Helbling, D.Hoglinger, S.Hutter, and B.Wuest. (2012) *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. (1967) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press.

Müller-Rommel F., ed. (1989) *New Politics in Western Europe: The Rise and Success of Green Parties and Alternative Lists*. Boulder (CO): Westview.

Stoll H. 2004. *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. Ph.D. diss. Santa Barbara: University of California. URL: <http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf> (accessed on 23.10.2022).

Sata R. and I.P.Karolewski. (2020) «Caesarean Politics in Hungary and Poland» // *East European Politics*, vol. 36, no. 2: 206—225.

Teney C., O.P.Lacewell, and P. de Wilde. (2014) «Winners and Losers of Globalization in Europe: Attitudes and Ideologies» // *European Political Science Review*, vol. 6, no. 4: 575—595.

Torcal M. and S.Mainwaring. (2002) «The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973—95» // *British Journal of Political Science*, vol. 33, no. 1: 55—84.

ПОЛИТИКА

Yu.G.Korgunyuk
THE SOVIET PAST THEME
IN THE ELECTORAL CAMPAIGNS
IN POST-SOVIET RUSSIA

Yury G. Korgunyuk — Doctor of Political Science; Leading Researcher at the Political Science Department at the Institute of Scientific Information on Social Science of the Russian Academy of Sciences (INION RAS).
 E-mail: partinform@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the place of the Soviet past in the inter-party discussion and the influence of this theme on the choice

of the Russian electorate in the electoral campaigns of 1993–2021. According to the author’s conclusion, despite the moderate number of issues related to this topic, and their rather modest share in the general agenda of the campaigns, they formed confrontations that strongly correlated with the divisions within the major political dimensions and issue domain divisions and resonated in the mass political consciousness.

The 1993–2011 campaigns were about one confrontation — “communists vs. anti-communists (liberals)”. In 2016–2021 this confrontation was supplemented by a cleavage along the “conservatives — liberals” line, which manifested in the special position of the Liberal Democratic Party of Russia, that adjoined the liberals on some aspects of the Soviet past theme, and communists — on other aspects. In 1993 and 1995 the confrontation between communists and anti-communists (liberals) on the issues of the Soviet past successfully competed with political dimensions and issue domain divisions for the role of the “political face” of the first, or the main, electoral cleavage. In 1999, this confrontation moved from the first electoral cleavage to the second, within which it continued to successfully contend with the cleavage between Soviet traditionalists and modernists in the systemic issue domain. In 2003, it also withstood competition with the divisions between adherents of market and supporters of planned economy in the socio-economic issue domain and Soviet traditionalists and modernists in the systemic one, but in 2007–2016 it lost such ability, although it retained a background presence in the political space.

In 2021, the theme of the Soviet past experienced some sort of renaissance, with not only communists and liberals, but also other political forces, including the “party of power”, starting to actively appeal to this topic. The influence of the confrontations around the theme of the Soviet past on electoral divisions also increased, however, only when regions with a voter turnout of more than 60% were excluded from the analysis. In this case, the confrontation between communists and liberals on the subject of the Soviet past determined “the face” of the second electoral cleavage, and the special position of the Liberal Democratic Party — of the third one.

Keywords: Soviet past, political parties, elections, post-Soviet Russia, factor analysis, correlation analysis, multiple regression

References

- Akhremenko A.S. (2007) *Struktura elektoral'nogo prostranstva* [The Structure of the Electoral Space]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaja mysl'. (In Russ.)
- Bornschieer S. (2010) *Cleavage Politics and the Populist Right: The New Cultural Conflict in Western Europe*. Philadelphia: Temple University Press.
- Budge I. and J.Homola. (2012) “How Far Have European Political Parties Followed the Americans to the Right in the Later Post-War Period?” // *Cambio. Rivista sulle trasformazioni sociali*, vol. 2, no. 4: 71–86.

Budge I., D.Robertson, and D.Hearl, eds. (1987) *Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analyses of Post-War Election Programmes in 19 Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Franklin M. (1992) “The Decline of Cleavage Politics” // Franklin M., T.Mackie, and H.Valen, eds. *Electoral Change: Responses to Evolving Social and Attitudinal Structures in Western Countries*. Cambridge: Cambridge University Press: 381—402.

Häusermann S. and H.Kriesi. (2015) “What Do Voters Want? Dimensions and Configurations in Individual-Level Preferences and Party Choice” // Beramendi P., S.Häusermann, H.Kitschelt, and H.Kriesi, eds. *The Politics of Advanced Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press: 202—230.

Hooghe L. and G.Marks. (2018) “Cleavage Theory Meets Europe’s Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage” // *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no. 1: 109—135.

Hooghe L., G.Marks, and C.J.Wilson. (2002) “Does Left/Right Structure Party Positions on European Integration?” // *Comparative Political Studies*, vol. 35, no. 8: 965—989.

Huber J. and R.Inglehart. (1995) “Expert Interpretations of Party Space and Party Locations in 42 Societies” // *Party Politics*, vol. 1, no. 1: 73—111.

Inglehart R. (1971) “The Silent Revolution in Post-Industrial Societies” // *American Political Science Review*, vol. 65, no. 4: 991—1017.

Korgunyuk Yu.G. (2013) “Kontseptsija razmezhevanij i faktornyj analiz” [Concept of Cleavages and Factor Analysis] // *Politeia*, no. 3 (70): 31—51. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3\(70\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3(70).pdf) (accessed on 24.11.2022). (In Russ.)

Korgunyuk Yu. (2014) “Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia” // *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 15, no. 4: 401—415.

Korgunyuk Yu.G. (2017) “Vybory po proporcional’noj sisteme kak massovyj opros obshchestvennogo mnenija” [Elections by a Proportional System as a Mass Public Opinion Poll] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 90—119. (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2019a) “Kontseptsija razmezhevanij i teorija problemnykh izmerenij: tochki peresechenija” [Cleavage Theory and Theory of Issue Dimension: Cross-Points] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 95—112. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/6/Polis-6-2019-Korgunyuk.pdf> (accessed on 24.11.2022). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2019b) “Novye instrumenty izmerenija elektoral’nykh razmezhevanij: ot macro- k mikrourovnju” [New Instruments for Measuring Electoral Cleavages: from Macro- to Micro-level] // *Elektoral’naja politika* [Electoral Politics], no. 1. URL: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/novye-instrumenty-izmereniia-elektoralnykh-razmezhevani-ot-makro-k-mikrourovniu/> (accessed on 24.11.2022). (In Russ.)

Korgunyuk Yu. (2020) “Issue Dimensions and Cleavages: How the Russian Experience Helps to Look for Cross-points” // *Russian Politics*, vol. 5, no. 2: 206—235.

Korgunyuk Yu.G. (2021) “Sovetskoe proshloe i mezhpartinnoe protivostojanie: opyt ispol'zovanija kolichestvennykh metodov” [The Soviet Past and Party Competition: Using Quantitative Methods] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 274—300. URL: http://inion.ru/site/assets/files/5952/13_korguniuk.pdf (accessed on 24.11.2022). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2022) “Tematika sovetskogo proshlogo v dumskoj kampanii 2021 goda” [The Soviet Past Theme in the 2021 Duma Campaign] // *Politeia*, no. 3 (106): 105—129. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-3\(106\)-Pages-001-202-105-129.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-3(106)-Pages-001-202-105-129.pdf) (accessed on 24.11.2022). (In Russ.)

Kriesi H., E.Grande, M.Dolezal, M.Helbling, D.Hoglinger, S.Hutter, and B.Wuest. (2012) *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. (1967) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press.

Müller-Rommel F., ed. (1989) *New Politics in Western Europe: The Rise and Success of Green Parties and Alternative Lists*. Boulder (CO): Westview.

Stoll H. 2004. *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. Ph.D. diss. Santa Barbara: University of California. URL: <http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf> (accessed on 23.10.2022).

Sata R. and I.P.Karolewski. (2020) “Caesarean Politics in Hungary and Poland” // *East European Politics*, vol. 36, no. 2: 206—225.

Teney C., O.P.Lacewell, and P. de Wilde. (2014) “Winners and Losers of Globalization in Europe: Attitudes and Ideologies” // *European Political Science Review*, vol. 6, no. 4: 575—595.

Torcal M. and S.Mainwaring. (2002) “The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973—95” // *British Journal of Political Science*, vol. 33, no. 1: 55—84.